

РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Александр Тамоников

.....

Николай II

Расстрелянная корона

КНИГА 1

Москва
2015

УДК 821.161.1.-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Николай II. Расстрелянная корона. Книга 1 / Александр Тамоников. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 416 с. — (Русский исторический бестселлер).

ISBN 978-5-699-83211-8

Император Николай II — последний российский монарх, который своей трагической судьбой завершил великую эпоху российского самодержавия. Личность яркая, сильная, порой загадочная и противоречивая. В годы его правления Россия пережила едва ли не самые трудные, жестокие и страшные испытания за всю свою историю. Волевой, с феноменальной памятью, не теряющий самообладания даже в самые критические мгновения, император Николай II вместе с тем производил впечатление мягкого, порой застенчивого человека. Власть, данную ему, он нес как крест, как веление Бога, без ропота и уныния. Его отречение от престола до сих пор вызывает жаркие споры у политиков и историков, которые пытаются дать исчерпывающий ответ: что стало бы с Россией, со всеми нами, если бы последний император поступил иначе? Этот замечательный роман не претендует на истину в последней инстанции, но тем не менее помогает взглянуть на Николая Александровича Романова совсем с другой стороны и совсем другими глазами...

УДК 821.161.1.-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83211-8

© Тамоников А., 2015
© ООО «Издательство «Приз», 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была уже в виду. Она уже перетерпела бурю, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена...

В управлении государствами, когда творятся великие события, вождь нации, кто бы он ни был, осуждается за неудачи и прославляется за успехи. Дело не в том, кто проделывал эту работу, кто начерчивал план борьбы; порицание или хвала за исход довлеют тому, на ком авторитет Верховной ответственности. Почему отказывать Николаю II в этом суровом испытании?.. Бремя последних решений лежало на нем. На вершине, где события превосходят разумение человека, где все неисповедимо, давать ответы приходилось ему. Стрелкою компаса был он. Воевать или не воевать? Наступить или отступить? Идти вправо или влево? Согласиться на демократизацию или держаться твердо? Уйти или устоять? Вот поля сражений Николая II. Почему не воздать ему за это честь?..

*Уинстон Леонард Спенсер Черчилль,
премьер-министр Великобритании в 1940–1945,
1951–1955 гг.*

Глава 1

Деревня Ютеша в тридцать два крестьянских двора стояла на возвышенности, в ста шагах от заливных лугов, вытянувшихся вдоль Оки. Все дома этого однорядного поселения были ориентированы строго на юг, где лучи солнца давали больше света и тепла. Из окон хорошо просматривались угодья, обрабатываемые крестьянами.

С запада к деревне вплотную прижимался густой лес. Оттуда на луга нередко выходили лоси, а зимой появлялись стаи голодных волков. Они заунывно и устрашающе выли в унисон метели. В такие минуты в селении яростно лаяли собаки и тревожно ржали лошади. Лес пугал людей и кормил их, изобиловал живностью, грибами, ягодами. Он же служил и поставщиком стройматериала. Каждый год в Ютеше поднимались два-три новых дома.

В семьях подрастали дети, женились, обзаводились своим собственным хозяйством. На юге, за двумя прудами, большим и малым, раскинулись пашни, ближе к лесу — пастбища. На востоке овраг, по которому из дальних лесов бежала мелкая, не широкая, но быстрая и чистая речка Мока. Никто не помнил, откуда произошло это название, да и ладно. Невдалеке виднелись кресты деревенского погоста.

Через мосток и по склонам оврага шла дорога к соседнему селу Сарда, довольно крупному, более пятидесяти дворов. Там церковь, трактир и даже больница, построенная всем миром.

В ней служил один-единственный доктор, который предпочел вольность сельской жизни каменной тесноте города. Крестьяне обращались к нему только в самых крайних случаях, чаще тогда, когда и помочь уже никто не мог. Они куда чаще прибегали к дедовским методам и занимались самолечением.

Места красивые, рядом большая река, озера с прудами, луга и лес. А вот почва песчаная. Но если не случалась засуха, то урожай по дворам собирали неплохой.

Крестьяне сеяли рожь, которая не требовала многократной вспашки под посев, а убирать ее можно было до выпадения первого снега. Овес был необходим для корма лошадей, а его продажа являлась главным источником денежных средств. Ячмень давал хоть и невысокий, но гарантированный урожай, позволяющий избежать голода. На полях возделывались просо, гречиха, конопля, лен, сахарная свекла, картофель, махорка. В огородах росли огурцы, лук, капуста, репа.

В общем, крестьяне жили со своего хозяйства в полном смысле этого слова. Редкий двор в Ютеше не имел своей лошаденки, пусть и захудалой, и кур. У сельчан побогаче в хозяйстве имелись коровы и овцы.

Жили общиной, главные решения принимали на сходах, собираемых деревенским старостой. По-свойски, по-родственному, поддерживали друг друга и тех сельчан, которые по причине болезней, старости, вдовства или многодетности не могли обойтись без помощи. Всем миром строили дома погорельцам, делились с ними продуктами. Одним словом, люди жили в Ютеше точно так же, как и в других деревнях и селах всей среднерусской полосы.

Теплым майским вечером 1868 года на завалинке устроились Никола Грудов и Илья Колбин. Сваяки. Их жены были родными сестрами. Мужики по давней привычке после нелегкого рабочего дня присели отдохнуть, поговорить, на деревню посмотреть да детишек по времени домой с улицы отправить.

— Слышал я, Никола, в Сарды спички завезли из города, — начал разговор Колбин.

— Эка новость! Ванька Теляй из города керосину да лампу привез. Вчера ходил к нему, глядел. Зажег фитиль, в избе светло как днем стало. Это не лучины палить!..

— Баловство те лампы, Никола. Не дай бог, случаем задеть да опрокинуть ее. Оглянуться не успеешь, как изба огнем возьмется. Покуда детишек вытащишь, она и сгорит. А с ней и овин, и гумно. Останешься в одних портах. Нет, лучина надежней. Да и зачем дома свет? Летом и так ночи коротки, а зимой в темноте спать надобно. — Он улыбнулся и добавил: — Да детей строгать. Самое время. И потом, керосин, он ведь денег стоит. А где их на все набраться, когда семью кормить, поить да одевать надо,

опять-таки скотину держать, инструмент справить. Я в этом году соху заменил. Иначе сейчас пришлось бы на люди идти и просить. А какой же ты хозяин, коли свое добро в порядке держать не можешь?

— Да я ничего, Илья, сказал просто.

— Ну и ладно. А чего это сюда Матрена Белова бежит?

— Кто ж ее знает. Муженек, староста Кирьян, куда-то послал.

— Нет, видать, случилось что.

— Да вроде все тихо, спокойно. Дыма нет, скотина не беспокоится. Вон кот посреди улицы в пыль завалился. Животное беду заранее чувствует.

Женщина лет тридцати в клетчатой поневе и лаптях подбежала к мужикам.

— Что случилось-то, Матрена? — поинтересовался Колбин.

— Кажись, дед Ефрем помирает, — выдохнув, ответила Матрена.

— Да ты что? — удивился Грудов. — Я Ефрема третьего дня видел у дома его младшего сына. Дед ругал Лешку за то, что изгородь покосилась. Старики-то недавно, в прошлом году, им с Катериной избу подняли.

— Вот третьего дня и захворал дед. Как от сыночка своего непутевого возвратился. Забрался на печь, не ел, не пил, ни с кем не разговаривал.

— А чего ты сюда прибежала?

Матрена поправила сбившийся платок и ответила:

— Так к твоей, Никола, жене.

— Зачем она тебе?

— Бабка Анна думает, что сглазили ее старика, а твоя супружница по части снятия порчи разной первая баба на деревне после ее покойной матери Анюты, которая и передала ей тот дар.

Бабка Анюта, мать Ольги и Анастасии, жен Грудова и Колбина, считалась в округе знахаркой, большой умелицей снимать сглаз и порчу. После смерти матери Ольга продолжила ее дело. Анастасии же подобный дар передан не был. Так считали люди, верили в это.

— В избе Ольга, где ж ей еще быть.

— Рыбановы просили, чтоб она посмотрела старика.

— Ну, если просили, пусть идет да смотрит.

Матрена пробежала в избу и вскоре вышла оттуда с Ольгой Грудовой.

— Надо деда Ефрема посмотреть, Николай, — обратилась та к мужу.

— Иди.

— А ты Петьку домой загони, гляди, что чертенок удумал.

Жена побежала с Матреной к дому Рыбановых, а Николай посмотрел на сына, которому в прошлом месяце исполнилось пять лет. Тот хищно, крадучись, подбирался к коту, дремавшему в пыли.

— Петька! — окликнул его Николай, и мальчонка испуганно присел. — Ты чего это удумал?

Кот очнулся, почуял неладное и в мгновение скрылся за изгородью.

— А чего это он посреди улицы разлегся, прямо как барин какой?

— Так ты хотел его пнуть?

— Нет! За хвост дернуть. Не любят они этого.

— Давай-ка в избу, а то я тебя сейчас кнутом по заднице!..

Мальчишка метнулся домой.

— Ишь, надумал, стервец, кота за хвост дергать.

Колбин усмехнулся:

— И чего такого? Себя вспомни? Помнишь, как мы мальца-ми помещицкому коту усы срезали?

— Помню. Но никогда не забуду и то, как нас потом розгами управляющий угостил. Бил, скотина, сильно, не щадя. Сволочной мужичок был. Мелкий, прыщавый и злой, как собака.

— Все же, Никола, согласишься, что при помещике жить легче было. Да, работать приходилось на него много, на свои дела времени почти не оставалось. Но мы знали, если неурожай, пожар или другая какая напасть приключится, то он с голоду помереть не даст. И хлеба отпустит, и избу поможет поднять, а то и денег ссудит.

— А по мне сейчас лучше.

— Это кому как. Ладно, пойдем по домам.

— Пойдем. Темнеет уже.

— А над лесом тучи как будто.

Колбин глянул в ту сторону.

— Да, похоже. Значит, дождь прольет. Это сейчас на пользу.

— Если стороной не обойдет!

— Не обойдет. С леса наш дождь. Когда от реки натягивает, то точно уйдет на Сарду или еще дальше, а лесной нам достанется.

— Поглядим. Бывай, Илья!

— Бывай, Никола. Завтра в поле встретимся.

— Нет, я лошадь к кузнецу поведу.

— Чего это?

— Подкова одна лопнула, как бы копыто не повредила. Сменить надо.

— Ну и ладно.

Мужики разошлись.

А в доме Рыбановых Ольга Грудова осмотрела деда Ефрема, кое-как спустившегося с печи.

— Ну что?.. — спросила у нее бабка Анна, жена Ефрема.

— Не пойму я ничего. — Ольга пожала плечами. — Впервые со мной такое. Хвори не вижу, сглазу тоже. Надо бы доктора позвать.

— Не надо, — проговорил Ефрем. — Видать, время мое пришло, помирать пора. А коли Господь призывает, то никто супротив Его воли ничего сделать не в силах.

— Да что ты, Ефрем?.. — Бабка Анна пустила слезу.

— С детьми и внуками останешься. На Лешку надежды никакой, а вот Глебушка позаботится о тебе. А сейчас пошлите кого-нибудь за священником.

— Господи, может, еще обойдется? — Бабка Анна погладила седую голову мужа.

— Ты, голубушка, сделай что надо. А там поглядим, пришло мое время или нет.

Старший сын, Глеб Рыбанов, стоявший у лавки, сказал:

— Я за священником съезжу.

Бабка Анна кивнула:

— Давай, сынок. Доктора тоже привези. Да и сестру Зою с мужем.

— Хорошо, матушка. Я скоро.

Глеб запряг лошадь, сел в телегу и поехал в село Сарда.

В избе остались бабка Анна, старшая сноха — рукодельница Мария, знахарка Ольга да Алексей, младший сын Рыбановых. Он выглядел испуганным, растерянным, то и дело неуклюже поправлял пояс на домотканой рубахе с косым воротом да подтягивал порты.

Ефрем велел всем кроме жены выйти, потом подозвал ее к себе и сказал:

— Не плачь, Аннушка. Всеу свое время. Кто-то уходит, кто-то приходит. Так было, есть и будет. Жизнь мы с тобой прожили долгую, непростую. Бывало, и обижал я тебя, за то прости.

— Да полно тебе, Ефремушка, прощаться-то, — сквозь слезы проговорила Анна. — Скоро доктор придет. Он, конечно, пьет много, но человек ученый, болезни знает, умеет лечить. Хворь пройдет, Ефремушка, погоди помирать. У нас только внучок младшенький родился, Лешке помощь родительская нужна. Он не Глеб, слабый, мягкий. Господи, до сих пор жалею, что дали мы ему свое родительское благословение жениться на Катерине. Она и в девках смурная была, сверстниц сторонилась, все дома сидела с бабкой своей. Да и сейчас такая же. Молчит целыми днями, слова не вытянешь, худо Лешке с ней!

— Ну, Аннушка, и Ольге с муженьком таким тоже жизнь не мед. Да и какая бы еще девка пошла за него? Два сына у нас и такие разные. Глеб — опора, Лешка не пойми что. Но все мы рабы Божьи. Видно, так Господу угодно. Пущай живут, детей рожают. Избу им поставили, землю выделили, теперь сами по себе. А я, Аннушка, Федора, внучонка-то нашего, так и не видал.

— Увидишь. Ты только, Ефремушка, о смерти не думай.

Дед вздохнул и заявил:

— Тут, Аннушка, думай или нет, а коль срок пришел, то ничего не сделаешь. Такова воля Божья. Помру, похоронишь меня рядом с отцом и матушкой. Придет время, пусть и тебя Глеб рядом положит. Чтобы и на том свете мы с тобой вместе были. Глеб должен Лешке помогать, брат все же, не чужак. Зойка за кузнецом Михаилом крепко живет, вот и хорошо. Сама же не горюй. Тебе и детям нашим жить надобно.

— Ох, Ефрем, и что ж ты мне душу рвешь?

— Прости. Я бы...

Ефрем не договорил. В избу вошел доктор Пал Палыч, хорошо известный и в Сарде, и в Ютеше. От него ощутимо несло перегаром, но глаза чистые, сосредоточенные.

— Мир вашему дому, — сказал он, перекрестился на образа и спросил: — Так кто тут у нас помирать собрался? Дед Ефрем? Не рановато ли? А ну-ка помогите ему сесть да рубаху приподнимите.

Глеб и мать приподняли ослабевшего Ефрема, закатали рубаху.

Доктор выложил на стол инструменты, послушал старику грудь, спину, кивнул и поинтересовался:

— Давно, дед Ефрем, хвораешь?

— Так третий день, доктор, — ответила Анна за мужа.

— А когда только занемог, почему за мной не послали?

— Думали, отлежится на печи Ефрем, настоя из трав попьет и поднимется, как бывало не раз.

— Они думали!..

— Так что скажешь, Пал Палыч?

— Что сказать, Анна? Ефрему не доктора и знахари нужны, а священник.

— Ой! — вскрикнула Анна и приложила ко рту ладонь. — Что ж это такое? Значит...

Но доктор прервал бабку:

— Значит, что воспаление легких у мужа твоего. Болезнь запущена настолько, что не только я, но и врачи в уездной больнице не помогут. Давно дед кашлять начал?

— Да он особо и не страдал этим. Так, покашливал чуток где-то с Пасхи.

— Вот тогда звать докторов надо было. А сейчас, вы уж простите, ничем помочь не могу.

— Может, лекарства какого?..

— Зовите священника, — заявил доктор, собрал нехитрый инструмент, вновь перекрестился и вышел из избу.

Вскоре Глеб привел из Сард отца Димитрия, настоятеля тамошнего храма, увлек мать в сени. Там плакала Зоя, рядом стоял ее муж, богатырь кузнец Михаил.

Зоя бросилась к матери:

— Что ж такое творится-то? Помирает тятя?

— Да, дочка, видать, пришла смертушка за нашим отцом.

Кузнец приобнял жену, отвел от Анны.

— Ты, Зоя, не кричи, еще успеешь. Поди лучше с Машей и мамкой на улицу.

— Да как же я выйду? Мне тятюку живым увидеть надо. Господи, беда-то какая.

Глеб тронул кузнеца за руку.

— Оставь их, Михайло.

Свояк отпустил жену, присел на лавку.

Через какое-то время в сени вышел священник и сказал:

— Больной исповедался, причастился. Теперь остается уповать на Бога. Молитесь, братья и сестры.

Глеб обратился к священнику и доктору, который дожидался, когда кто-нибудь отвезет его домой:

— Сейчас сосед подойдет, он вас доставит в Сарду.

— Я пока тут останусь, — заявил отец Димитрий.

Пал Палыч пожал плечами:

— Тогда и я останусь. Нечего зря гонять лошадь. А коли в Сарде что случится, так за мной оттуда приедут. Покуда пройду по дворам, людей, особенно детишек посмотрю. Сейчас время простудное, может, кому помощь нужна.

— Как пожелаете. Лошадь с телегой во дворе.

Семья Рыбановых зашла в избу.

Дед Ефрем лежал на скамье с просветлевшим лицом.

— Как исповедался, Аннушка, легче стало.словно груз с себя сбросил, — проговорил он, посмотрел на сыновей, дочь, сноху и спросил: — А что я, Лешка, твоей жены не вижу?

Младший сын помялся и ответил:

— Так она с ребеночком. Капризничает Федька.

— Ступай за ней. Да пусть Катька твоя внука принесет. Хоть пред смертью посмотрю на него. А то нехорошо так-то. Мы ж одна семья.

— Ага, батюшка, я сейчас! — Алексей побежал на край деревни и вскоре вернулся с женой и сыном. Он вошел в избу следом за бледной Катериной, державшей на руках сына.

— Вот, батюшка, Федя, внучок твой младшенький, названный в честь прадеда Катерины.

И тут произошло то, что привело всех в ужас.

Увидев распеленутого ребенка, Ефрем задрожал, приподнялся на лавке и закричал сквозь хрип, прорвавшийся из груди:

— Господи, спаси и сохрани!.. Беда-то какая.

— Что с тобой, Ефремушка? — Анна кинулась к мужу.

Екатерина испугалась, закрыла сына пеленкой и одеяльцем, прижала его к груди и отошла в угол. А дед Ефрем словно не видел никого, кроме внука.

Он протянул к нему дрожащую руку.

— Вижу печать великого греха на челе младенца. Кровь на нем. Чрез него весь род наш вымрет и будет проклят во веки веков.

Екатерина с ребенком метнулась к двери, выскочила на улицу и побежала к своей избе.

Дед Ефрем без сил упал на скамью и прошептал:

— Беда. Кровь. Грех.

Глеб пришел в себя и позвал священника.

— Оставьте нас! — велел тот.

Родня, буквально сраженная неожиданным и странным пророчеством умирающего, вывалилась в сени.

— Не позвать ли доктора? — спросила Ольга Грудова. — Он где-то недалеко.

— Не надо, — отмахнулся Глеб, который был мрачнее тучи.

Леша, чувствовавший себя виноватым, прошмыгнул на крыльцо.

Вскоре священник вышел в сени и объявил:

— Преставился раб Божий Ефрем.

Бабка Анна рванулась в горницу. За ней вошли Зоя, Глеб, Мария, Ольга и кузнец Михаил.

Анна билась над телом мужа.

— Делом, матушка, заняться надо, — проговорила Зоя.

— Не могу, доченька.

Зоя усадила мать на скамью, присела рядом с ней.

Мария же велела мужу нагреть воды, приготовить новую одежду да спустить с чердака гроб, который загодя сделал себе сам дед Ефрем.